

20 апреля 1982 г.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Гарий НЕМЧЕНКО

СТО

ШАГОВ

киноповесть

Вдвоем Перчаткин и Полосухин идут по той самой аллее, по которой прогуливались обычно Веденин с Райхом и Максим с лошадыю.

— Мое дело сообщить тебе, дружище, что в министерстве имеют виды на тебя, — расслабленно говорил Перчаткину Полосухин. — А решать, естественно, — это уж твое дело...

Они остановились у веденинского коттеджа, Перчаткин старательно нажал на кнопку звонка...

Вышла Эмма Борисовна, изобразила удивление и радость, проговорила:

— Поймите, Вячеслав Дмитрич, режим есть режим...

— Да-да, конечно, здоровье — прежде всего...

— И потом — он сейчас спит.

— Передайте, когда он проснется, нижайший поклон... И самые добрые слова.

— Непременно передам! Непременно передам! — проговорила Эмма Борисовна.

* * *

Веденин и в самом деле спал.

Спал на ватниках, брошенных на широкую скамейку в тепляке у монтажников. В ногах у него с кружкой чая в руке сидел Виктор Карлович.

На такой же скамейке у противоположной стены сладко посапывал Максим, сжимавший в кулаке свой расплющенный металлический рубль, около него, тоже с чайком в руках, сидела Зоя, а за столом, на котором стоял «артельный» алюминиевый чайник, расположились Нина Павловна, Ступин и Васильев — даже здесь, в наполненной жаром от раскаленного «козла» вагончике, он не снял своего спрятанного под брезентовым плащом козуха, а только расстегнул пуговицы.

* * *

И вот уже над ярко освещенной площадкой опять летят вверх, в косую метель, ушанки, и опять кричат люди друг другу что-то радостное, и хроника снимает, судя по всему, последние «героические» кадры, и радиокорреспондент с тяжелой сумкой на боку, обращаясь к монтажникам, почти кричит в микрофон: «Что вы могли бы вот сейчас... в эту радостную для всех минуту... сказать об этих ста шагах?! Об этом общем подвиге?»

Подносит микрофон поближе к губам Петра Игнатьича, который стоит в окружении своих хлопцев, и пожимает плечами:

— Однако что сказать?... Должна была проехать, она и проехала, сто шагов-то... Куда ей деться? На то у нас и инженера, и вот мы, конечно...

— Ну, а какое самое яркое ваше впечатление за эти последние сутки? — снова свойски-торжественным голосом спрашивает громко корреспондент. — За эти последние два дня?

— Это пожалуйста! — рассудительно говорит старый монтажник. — Это как наши хоккеисты самую первую шайбу забросили.

Рядом с площадкой надвига останавливались легковые машины, выбирались наружу те, кто уехал вчера в дом отдыха есть пельмени.

Растянувшейся во главе с Полосухиным цепочкой не очень уверенно шагали они к ставшей на новое место домне, когда перед ними показалась шедшая уже от нее другая группа — старый Веденин в странном окружении: кроме Ступина с Васильевым, кроме Белового, здесь были и Райх с его неизменным саквояжем, и Нина Павловна с Зоей, и маленький Максим.

Ступин с Васильевым поддерживали директора под руки. Увидев идущих им навстречу, Веденин приподнял голову, расправил плечи. Не замечая Полосухина, остановился перед Перчаткиным, сказал сердечно:

— Поздравляю, Александр Максимыч!.. Красиво она стала. Как там и была — никуда ни на градус... поздравляю тебя, директор!

Потянулся к Перчаткину, чтобы обнять, и тот шагнул навстречу.

— Все, что должен был, — подчеркнуто сказал Веденин, — я министру написал... Нина Павловна отправит письмо. А это тебе — на память! — Он достал из кармана бумагу, протянул Перчаткину. — Чтобы не расслаблялся... Чтобы помнил, с кем нам часто в одной упряжке тащить приходится... И кто... куда ее на самом-то деле тащит...

Он слегка пошатнулся, и его опять взяли под руки.

— А теперь все. Сталь хочу посмотреть...

— Николай Фадееч, — разрывая круг, бросился к нему Брагин. — Дайте я покажу!.. — и обернулся вдруг к Перчаткину. — Поймешь, Александр Максимыч?.. Не обидишься?

Тот приподнял слегка обе руки: какие, мол, дела! И Брагин уже командовал:

— Позвони в цех! Скажи, чтобы освободили грузовой лифт и опустили вниз!..

* * *

У грузового лифта внизу, в конверторном цехе, остановились несколько машин, и Брагин почти перенес Веденина из «Волги» в «газик». Открылись широкие двери лифта. Потихоньку въехал «газик» в лифт. Сомкнулись за ним двери.

Открываются двери лифта наверху, и «газик» выезжает на рабочую площадку конверторного цеха, туда, где пламя и гул. Брагин то сидит за баранкой, выпрямившись, а то вдруг хищно наклоняется к ней — уж он-то хорошо знает, какая их тут на каждом шагу подстерегает опасность...

«Газик» замирает неподалеку от поигрывающей бликами гигантской «груши» конвертора. Громадный, под стать ей совок с грохотом опрокидывает в жерло черную грудку скрапа, и «груша» словно взрывается изнутри, вверх летят, яркие ошметки огня, поднимаются длинные языки пламени.

Как зачарованный, смотрит на это зрелище Веденин, и по непрерывно меняющемуся выражению его лица понятно, что ради этого он сюда и приехал — ради этой и горькой, и радостной для него, ради самой последней встречи...

Словно под крыло птицы, спрятался под руку Райха Максим, во все глаза смотрит на это доселе невиданное им зрелище...

А «газик» подкатывает к другой «груше» — она слегка наклонена, и из ее жерла пышет малиновый жар. В этом гуде и грохоте, в котором, кажется, даже вблизи невозможно хоть что-нибудь слышать, Брагин подает знак одному из сталеваров: наклонить «грушу» еще чуть-чуть.

Сталевар уходит, кивнув, и снова клонится «груша» — сквозь дровавшее марево теперь уже совсем хорошо видно, как внутри нее клокочет розовато-белый, с синими язычками жилакий металл.

И вдруг поднимает слабую руку Веденин: еще чуть-чуть! И черная, с зияющим жерлом туша конвертора покорно подается книзу... Человек ли кланяется огню? Огонь ли преклонился пред человеком? А может, это только так кажется, что он давно покорился нам, а на самом-то деле беспрестанно сжигает и сжигает нас... вот сейчас догорает и еще один. Догорают Веденин. Догорают Дед.

Но догорают ведь только те, кто вообще обладал этой способностью: гореть.

(Окончание. Начало см. в №№ от 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 апреля с. г.).